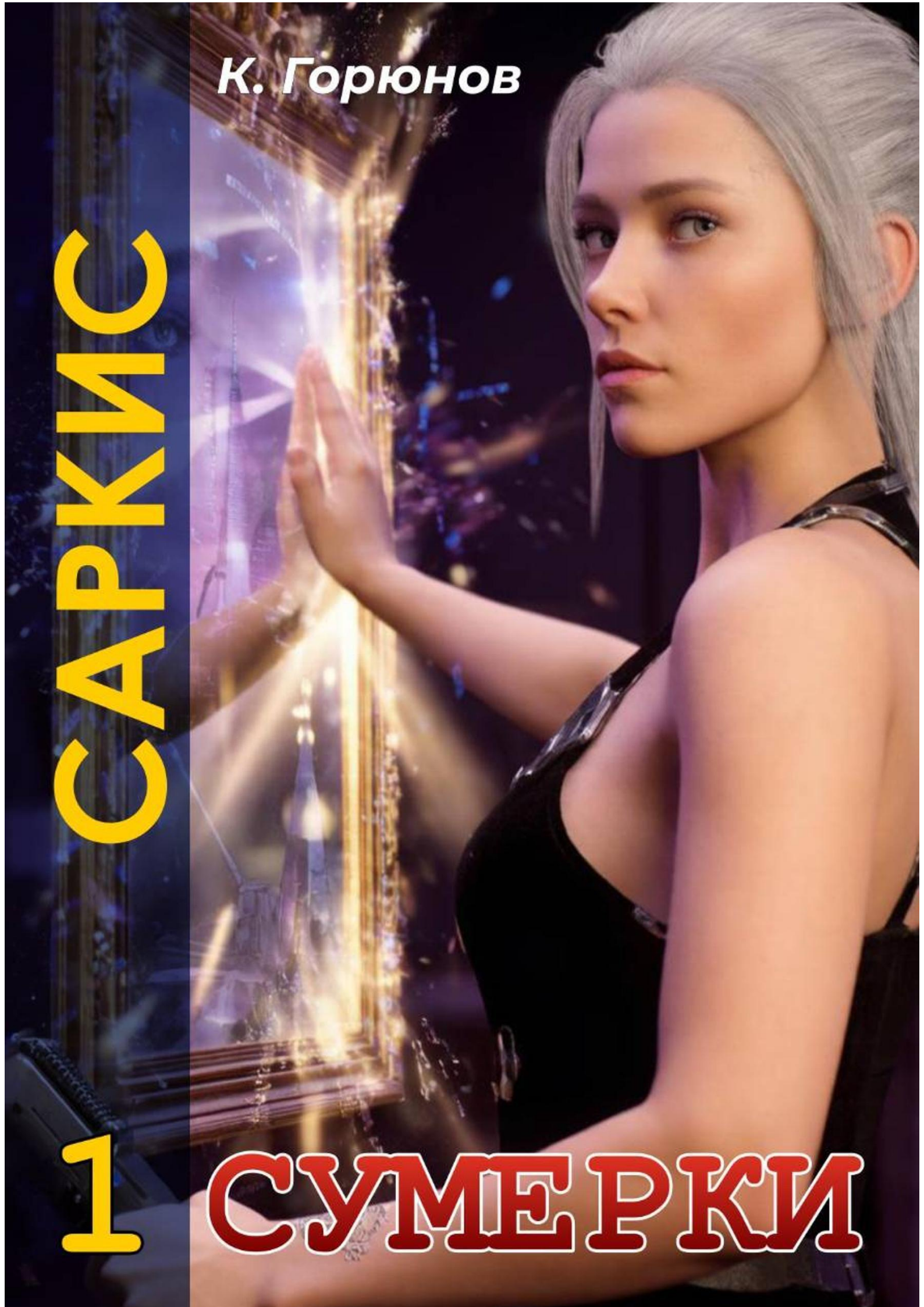

К. Горюнов

САРКИС

1

СУМЕРКИ

Константин Горюнов

Саркис: Сумерки

«Автор»

2026

Горюнов К.

Саркис: Сумерки / К. Горюнов — «Автор», 2026

Каждую ночь я умираю. Не в буквальном смысле — я просто захожу в зеркало и оказываюсь в Саркисе-13, вечно сумеречном городе, где безликие Стражи следят за порядком, а души застревают в циклах страха. Я — Проводник, и мой сарказм помогает не хуже эмпатического оружия. Но протокол «Лимб» считает меня идеальным кандидатом для слияния с Ядром. Система ведёт меня к выбору: стать частью машины, утратив себя, или рискнуть всем, чтобы переписать её законы. И я, парикмахер с белыми волосами и фингалом под глазом, кажется, знаю, что такое хорошая стрижка — даже если речь о судьбе целого города.

© Горюнов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Синяки на плече	10
Глава 2: Активный объект	15
Глава 3: Дефрагментация	19
Глава 4: Гавань Теней	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Константин Горюнов

Саркис: Сумерки

Пролог

Колокольчик на двери звякнул, когда я вставила ключ в замок и толкнула стекло плечом. Дребезжащий такой звук, похожий на велосипедный звонок, только мягче. Я его повесила в первый месяц работы, через день пожалела, а теперь, спустя шесть лет, он меня раздражает ровно до той минуты, как мастерская остаётся пустой. Тогда без него слишком тихо и тоскливо, будто помещение задерживает дыхание и ждёт, когда хоть кто-то нарушит эту ватную тишину.

Внутри пахло мятой, шампунем, лаком для волос с вишнёвыми косточками и ещё — едва уловимо — нагретым металлом. Этот запах ничем не вытравить, он живёт в фене, в машинке, в лезвиях ножниц, и я к нему привыкла как к духам. Свои собственные духи я не чувствую, но знаю, что клиенты иногда говорят «у вас тут пахнет дорогим салоном». Ага, салоном, где краска стоит как пара хороших туфель, а ремонт не делался с момента покупки.

Я включила кофе-машину на ресепшене, провела ладонью по стойке из тёмного дерева — пыли нет, Алевтина вчера протёрла. Подошла к зеркальной стене, привычно оглядела себя. Белое каре до подбородка, ровный срез, чёлка до бровей. Корни пора осветлять, но это подождёт до выходных. Карие глаза смотрели из зеркала с обычной насмешкой, будто отражение знало, что я сегодня опять спала вполглаза и в три ночи пялилась в потолок. Я коснулась зеркала кончиками пальцев — амальгама была теплее, чем должна быть. На градус, не больше. Я давно перестала обращать на это внимание.

Среднее кресло, как всегда, заело, когда я проверяла рычаг подъёма. Дёрнула дважды — поехало. Левое скрипнуло обивкой, и внутри что-то щёлкнуло, словно кресло сделало вдох. Я похлопала его по подлокотнику:

— Доброе утро, живое. Сегодня без фокусов, ладно?

Оно, разумеется, промолчало.

Алевтина пришла ровно в девять. Звякнул колокольчик, и в проёме возникла её округлая фигура в бежевой юбке до колена, с ярко-зелёным платком на шее. Очки для чтения на тонкой золотой цепочке болтались на груди — она, как обычно, забыла, что они там висят, и секунду шарила по карманам, прежде чем их заметить. Я наблюдала за этим ритуалом с удовольствием. Алевтина водрузила очки на нос, хотя читать ничего не собиралась, и оглядела зал.

— Крис, ты спала вообще? — спросила она вместо приветствия, и её серо-голубые глаза чуть прищурились.

— В вертикальном положении, Аля. Уже хорошо.

— В вертикальном — это стоя в автобусе, — она прошла к ресепшену, поставила на стойку свой глиняный чайничек размером с кулак, — а ты лежала и не спала. Разница.

Она говорила с мягкой грассировкой, чуть медленнее, чем я, и это всегда действовало успокаивающе. Даже когда она говорила очевидные вещи, возражать не хотелось. Я пожалала плечами, взяла свою кружку — белую, с треснувшей ручкой — и налила чёрный кофе.

Первый клиент пришёл в половине десятого. Мужчина с залысынами и остатками седины на висках, взгляд усталый, плечи опущены. Типичный «покороче, но не наголо». Я усадила его в среднее кресло, накинула пеньюар и для начала просто провела пальцами по волосам, оценивая структуру. Жёсткие, густые в затылочной зоне, на макушке редуют. Ему бы подошёл текстурный ёжик, но такие как он обычно просят «как прежде, только короче», и я уже знала, что он скажет.

— Мне бы покороче, — сказал он, глядя в зеркало не на себя, а куда-то в район моего подбородка. — Но не под машинку. И чтобы уши не торчали.

— Уши у вас не торчат, — успокоила я, беря со столика прямые ножницы. — А если хотите не коротко, но чтобы волосы не мешали, то текстурируем макушку, оставляем длину на висках. Будет аккуратно и без намёка на «лысый — значит смелый».

Он хмыкнул — это было согласие. Я включила фен, просто чтобы был звуковой фон, потому что стричь в тишине — к беде, это я усвоила давно. Ножницы, мои «девочки», заскользили в пальцах привычно и точно. Японская сталь, горячая заточка, лучшие подружки. Стригла и думала о том, что голова у него тёплая, почти горячая, и под кожей черепа пульсирует какая-то тугая, давняя усталость. Такое я чувствую часто. Нет, я не экстрасенс, просто шесть лет работы с головами — и начинаешь слышать то, что клиент не говорит.

Алевтина тем временем записала в журнал «М-10:30» — только первую букву и время. Имена ей не нужны, она помнит лица. Я никогда не видела, чтобы она вглядывалась в журнал. Она предлагала клиентам чай, кофе, воду, и в её голосе не было фальшивого радушия — только суховатое, очень спокойное достоинство. Когда она говорила: «Подождите, пожалуйста», это звучало как «мы вас обязательно обслужим, и это будет стоить вашего времени». Клиенты таяли.

К середине дня навалилась сонливость. Не та, что от недосыпа — тяжёлая, знакомая. Она накапывает примерно за час до того, как мне пора засыпать по-настоящему, и я уже знаю: сегодня ночью меня ждёт Город. Я не называю его по имени в дневное время. Даже мысленно огрызаюсь: «Да отвяжись, у меня ещё два клиента».

В три часа записалась женщина с химической завивкой. Стричься не хотела, просто подравнять секущиеся концы. У неё были тонкие, крашенные в рыжий волосы и привычка накручивать прядь на палец каждые полминуты. Завиток, отпустить, снова накрутить. Я смотрела на это мелькание и чувствовала, как раздражение поднимается от горла к вискам. Не её вина — я сама не спала нормально уже которую ночь подряд.

— Вы бы хоть кончики постригли покороче? — спросила я, сдувая чёлку с глаз нижней губой. — Или вы отращиваете специально для ворон?

Она расхохоталась, и я сразу подобрела. Люблю, когда шутку понимают.

К шести вечера я выпроводила последнего клиента и выключила потолочный свет. Три холодных светильника погасли, остались только настенные бра над каждым креслом — тёплый, желтоватый, почти живой свет. Мастерская сразу стала меньше ростом, уютнее, и тишина перестала быть ватной. Я прошла по залу, подобрала с пола несколько прядей, протёрла подлокотники. Алевтина накинула на плечи кардиган и взяла сумочку.

— Ты сегодня раньше усни, а? — сказала она, задержавшись у двери.

— Сегодня — это в смысле «опять»?

Она не ответила, только поправила зелёный платок и вышла. Колокольчик звякнул и затих.

Я закрыла мастерскую в семь. Прошла мимо узкого вертикального зеркала в коридоре — оно отразило высокую фигуру в чёрном фартуке, с белыми волосами, а за спиной у неё, кажется, мелькнуло что-то ещё. Но я не обернулась. Обернуться в такие моменты — значит признать, что я вижу больше, чем положено парикмахеру.

Путь до квартиры на Чехова занимает пятнадцать минут пешком: через сквер, два проходных двора, мимо ржавой детской площадки. В сквере пахло мокрой землёй и тополиной листвой, в первой подворотне — мусорными баками, во второй — табачным дымом от чьего-то балкона. Я шла, засунув руки в карманы джинсов, и думала о том, что надо бы поесть. Но в холодильнике было только молоко, яйца, сыр — из этого можно соорудить омлет, но лень.

Квартира встретила меня тишиной и запахом старых книг. Я скинула кеды, включила торшер — единственный источник света, потому что верхний свет я ненавижу так же, как

жидкость для снятия лака с её едким ацетоном. На кухне насыпала кофе в машину на утро, щёлкнула таймером. Душ принимать не стала — нет сил.

В ванной я всё-таки задержалась. Зеркало в полный рост, старое, с лёгкой рябью амальгамы и микротрещинами в углу, показало мне лицо, которое я знала слишком хорошо. Бледное, с чёткими скулами и острым подбородком. Тёмные брови вразлёт, карие глаза с тяжёлыми веками. Губы красила утром в холодный красный, но помада уже почти стёрлась. Под глазами залегли тени. Я сдула чёлку с глаз. Усмехнулась.

— Ну что, опять на экскурсию?

Отражение не ответило.

Я легла на диван прямо в одежде, натянула серый плед крупной вязки до подбородка и уставилась в потолок. Мысли скакали: «завтра краска для корней», «Аля опять забыла полить фиалку», «тот мужчина с залысынами ушёл довольный», «почему амальгама тёплая». А потом тело налилось тяжестью, веки сомкнулись, и я провалилась — не в темноту, а в холод. В холод, который пахнет озоном.

Сначала я услышала гул. Такой, какой издаёт толпа на вокзале в час пик, но умноженный на тысячу и пропущенный через помехи. Потом спиной ощутила твёрдую поверхность, и холод прошёл — вернее, остался только снаружи, как промозглый октябрьский воздух, который никогда не прогревается.

Я открыла глаза.

Переулок Граффити. За спиной — стена, на ней неоновый глаз, мерцающий фиолетовым. Прямо передо мной — ржавая скамейка под единственным фонарём, который не гаснет. Вокруг — серо-фиолетовое небо, вечные сумерки. Солнца нет, никогда не было, не будет. С неба сыплет цифровая морось: крошечные капли-пиксели, холодные, чуть покалывают кожу, но не мочат. Я поёжилась, потёрла плечи ладонями и шагнула вперёд, на мостовую, пахнущую мокрым асфальтом, озоном и — едва уловимо — гарью.

Я знаю этот Город как свои инструменты. Вон там, на восток, Мерцающий рынок: толкотня, лавки воспоминаний, закусочная «У дыры» с лапшой без вкуса, если не заплатишь слепком эмоции. Севернее — Соты, серые башни-общежития, где потерянные сидят по своим ячейкам и ждут неизвестно чего. На западе — Гавань Теней, туда я почти не суюсь, там слишком много контрабандистов и слишком мало уличного освещения. А в центре, пронизывая все уровни, чёрной иглой высится Цитадель-13. Я стараюсь не смотреть на неё без нужды.

Сегодня у меня было дело. Один из потерянных, мужчина в мятом пиджаке, уже третью ночь крутится в Сотях на одном и том же цикле. Я знала, где его искать.

Я пошла через рынок. Мимо проплывали фигуры — кто-то почти прозрачный, кто-то плотный, как я. Торговцы зазывали купить «свежий смех, ещё тёплый», уличные музыканты-алгоритмы наигрывали обрывки мелодий, которые слышали в чужих снах. Пахло прелыми данными, жжёным сахаром и чьими-то фантомными духами. Я привычно лавировала в толпе и думала, что Мерцающий рынок — единственное место в Городе, где почти нет тишины. И за это я его ценю.

На границе Сот я заметила тени. Они всегда скользят вдоль стен, бесшумные сгустки темноты, не отбрасывающие теней. Исчезают при прямом взгляде. Я зову их «администрацией» и стараюсь не поворачиваться спиной. Сегодня одна из теней задержалась — не исчезла, когда я на неё посмотрела, а словно бы оформилась на секунду в подобие человеческой фигуры. Я моргнула — и она всё-таки растаяла, но по спине прошёл холодок.

Мужчина нашёлся в длинном тусклом коридоре на третьем ярусе Сот. Он стоял, прижав плечо к стене, и перебирал пальцами невидимый телефон — снова и снова, одни и те же движения. Губы шевелились, но слов было не разобрать. Я приблизилась, стараясь не делать резких движений. Пиджак на нём был мятый, но неделю назад, наверное, приличный. Волосы спутаны, взгляд остекленевший и направленный внутрь.

— Я забыл позвонить, — прошелестел он. — Я должен... должен...

— Абонент временно недоступен, — сказала я негромко, но твёрдо. — Давай позвоним с другого аппарата.

Он не реагировал. Тогда я взяла его за запястье — холодное, с лёгкой вибрацией, как от неисправного терминала. Правило контакта. Теперь я не могу отказаться, и он тоже. Его взгляд на секунду прояснился, скользнул по моему лицу. Я улыбнулась:

— Ну что, пойдём, ловелас. Тут недалеко, лифт работает через раз, но нам повезёт.

Я вела его через серые коридоры, мимо дверей без номеров, мимо столовой, где вечный суп без вкуса исходил паром, но никто не ел. Двое Стражей — чёрные глянцевые фигуры без лиц, только матовые забрала — стояли на углу. Я прошла мимо, даже не взглянув. Они не реагировали. Игнорируют, как обычно. Когда-то меня это пугало, потом успокаивало, а теперь... теперь я стала задумываться — почему?

Лифт-портал открылся с третьей попытки. Я втокнула мужчину в кабину, нажала сенсор с маркировкой «Верхний уровень». Двери сомкнулись, и через секунду раздался короткий звуковой сигнал — цикл завершён. В моей голове коротко зазвенело, и я почувствовала тупую боль в затылке. Спасибо, не за что.

Лифт унёс его наверх — туда, где нет серых коридоров, а есть только белый свет и тишина. По крайней мере, так говорят.

Я возвращалась через Мерцающий рынок и уже предвкушала, как дойду до Переулка Граффити и вывалюсь из зеркала обратно в свою квартиру. Но на полпути свернула к лавке, где торговка Грета продавала слепки воспоминаний. Маленькая, скрюченная, с глазами как два светодиода. Она ухмыльнулась, когда я подошла.

— Проводник с белыми волосами, — проскрипела она. — Слухи ходят. Говорят, из Цитадели стали приглядывать. Ты бы потише сияла.

— Я не сияю, — отрезала я. — Это у тебя от неона блики.

Я купила у неё слепок запаха свежескошенной травы — просто так, чтобы не вызывать подозрений — и пошла дальше.

В Переулке Граффити было тихо. Я приблизилась к стене-порталу, мерцающему фиолетовым глазом, и уже хотела коснуться её, когда заметила в стороне, у ржавой скамейки, нечто новое. Терминал. Маленький экран, вмурованный в кирпичную кладку, размером с ладонь. Раньше его тут не было. Или был, но не светился? Я подошла. Экран мигнул, и на нём проступили символы. Язык незнакомый, но смысл возник в голове сам, как при переводе с листа:

«Объект 734-К. Категория: Проводник. Уровень доступа: 3. Прогресс до уровня 4: 47 %. Статус: наблюдение активно».

Сорок семь процентов. Наблюдение активно.

Я простояла, наверное, минуту, глядя на эти слова. Прогресс. Значит, я кому-то нужна не просто так. Мои вылазки — не бегство от реальности, не «осознанные сны», а часть какой-то системы. И я в ней — объект. С номером. С процентом готовности.

Я протянула руку и коснулась экрана. Он тут же погас, оставив запах нагретого металла. Пальцы дрожали — нет, не от страха. От злости. Я не люблю, когда меня не спрашивают.

Отвернулась к стене-порталу, чтобы уйти, и замерла. В зеркальной поверхности вместо моего отражения стоял Он. Мужской силуэт, размытый по краям, серый, неподвижный. Стоял и смотрел. Никаких деталей — только фигура и ощущение взгляда, от которого мороз по коже. Человек в зеркале. Я видела его несколько раз раньше, всегда издали и мельком. Но сейчас он был прямо здесь, в моём выходе. Я сделала шаг вперёд. Он медленно покачал головой.

И в этот момент Город вытолкнул меня сам. Провал сквозь холод, вспышка в глазах — и я уже лежу на диване, хватая ртом воздух, как рыба.

Будильник орал. Утро. За окном — серый свет, дождь барабанит по балконному козырьку. Я села, чувствуя, как ноет всё тело, и особенно правое плечо. Задрала рукав — так

и есть: глубокий синяк, будто кто-то вцепился когтями. Я смотрела на него и думала о термине. О цифре сорок семь. О том, что наблюдение активно.

В ванной я включила холодную воду и умылась. Пальцы под ногтями светились — мельчайшая зеркальная пыль, которая медленно гасла, впитываясь в кожу. Я достала из аптечки арнику, нанесла на синяк, втирая до боли. Отражение в зеркале смотрело на меня в упор. Чёлка растрепалась, под глазами тени ещё гуще, но взгляд стал другим — трезвым и злым.

— Ну и отлично, — сказала я вслух, растирая плечо. — Значит, будем разбираться.

За дверью, на улице Садовой, 14, Алевтина уже отпирала мастерскую и ставила чайник. А у меня на правом плече распускался синяк, и внутри копилась холодная, спокойная решимость. Сорок семь процентов? Отлично. Я подниму все сто — но на своих условиях. И если за мной наблюдают, пусть смотрят внимательно. Шоу начинается.

Глава 1: Синяки на плече

Будильник прозвенел в семь утра. Я нашарила его на полу, смахнула с тумбочки вчерашнюю кружку и села, чувствуя, как ноет правое плечо. Синяк расцвёл окончательно: багрово-фиолетовый, с жёлтой каймой, и пять отчётливых точек по краям — именно там, где вцепилась та тень в переулке, когда я выходила из Провала. Я не заметила прикосновения, но Город умеет ставить печати.

В ванной я включила холодный свет и долго разглядывала этот шедевр в зеркале. Консилер лёг неровно: плечо было горячим на ощупь, будто под кожей ещё гуляли остатки злости. Я наложила второй слой, потом плюнула и натянула футболку с длинным рукавом. Чёрную, чтобы не просвечивало. За окном моросил настоящий, водяной дождь, и в комнату тянуло сыростью.

— Сорок семь процентов, — сказала я вслух, наливая кофе. — Интересно, на пятидесяти будет шарик с конфетти или хотя бы скидка на следующую дефрагментацию?

Кофе был чёрный, без сахара, из белой кружки с треснувшей ручкой. Я пила его стоя, глядя в серый двор-колодец, и прокручивала в голове вчерашнюю встречу с терминалом. «Объект 734-К. Проводник. Уровень доступа: 3. Прогресс: 47%». И подпись: «наблюдение активно». Кто наблюдает? Хранители? Стражи? Или тот тип в зеркале, который молча качает головой? От этой мысли по спине пробежал холодок, и я тут же одёрнула себя: «Не сейчас. У тебя сегодня три клиента и Аля с её рентгеновским взглядом».

На улице пахло мокрыми листьями и бензином. Я шла через сквер, накинув капюшон, и думала, что дождь в реальности мочит одежду, а цифровая морось — нет. Ещё одно доказательство, что Город — не глюк. Там всё наоборот, включая здравый смысл.

Колокольчик на Садовой звякнул, и я вдохнула родной коктейль: мята, шампунь, лак для волос с вишнёвыми косточками, нагретый металл. Мастерская встретила меня тишиной и пылью, не протёртой со вчера. Я включила кофе-машину на ресепшене, провела ладонью по стойке — пыль. Алевтина вчера ушла раньше, оставив записку «Завтра всё наверстаю, не ворчи». Я не ворчала. Я смотрела на эту пыль и думала, что даже она сегодня какая-то... нереальная. Или это я уже начала видеть везде помехи?

Алевтина вошла ровно в девять. Сегодня на ней был сиреневый ремешок и серая блузка с коротким рукавом. Очки болтались на груди, и она, как обычно, забыла про них и шарила глазами по стойке.

— На шее, Аля.

— Ах, ну да. — Она надела очки и прищурилась на меня. — Ты ночью опять не спала? Или спала, но на полу?

— Спала в удобной позе, — отрезала я и повернулась здоровым плечом.

Алевтина прошла к ресепшену, поставила глиняный чайничек, заварила свой душистый чай. Запахло чабрецом и чем-то цитрусовым. Она молчала, но я чувствовала, как её взгляд скользит по моему правому плечу. В зеркале за её спиной я видела, как она чуть нахмурилась и поправила очки, хотя читать ничего не собиралась.

— Пятновыводитель в подсобке, на второй полке, — сказала она, помешивая чай. — Если что, он не только для фартуков.

Я замерла с кружкой у губ.

— Аля, я просто...

— Просто красишь плечо тональником, — перебила она спокойно. — Удобная поза, ничего не скажешь.

Я развернулась к ней лицом. Она смотрела на меня поверх очков, и в серо-голубых глазах не было ни любопытства, ни осуждения. Только что-то очень похожее на «я знаю, и ты не обязана объяснять».

— Он не отстирывается, — сказала я наконец. — Пятновыводитель. Я пробовала. Это не краска.

— Тогда, может, чай? — она подвинула ко мне вторую чашку. — С чабрецом. Говорят, помогает от... всего.

Я взяла чашку, хотя терпеть не могу чай. Но Аля права: иногда надо просто подержать горячее в руках.

Через полчаса началась рутина. Первой пришла пожилая дама — укладка на крупные локоны. Она щебетала про внуков, про огород, про соседку, которая «опять вывесила бельё на мой балкон, представляете?». Я кивала, подкручивала пряди на брашинг и думала: «Интересно, если она умрёт во сне, в какой цикл попадёт? Наверное, будет бесконечно вязать носки или пересаживать фиалки». От этой мысли стало смешно, и я чуть не фыркнула.

— Что, я смешное сказала? — удивилась дама.

— Нет-нет, просто вспомнила анекдот. Не отвлекайтесь.

Потом пришла нервная женщина лет сорока, та самая, что в прошлый раз требовала «как раньше, но по-новому». Сегодня она хотела «освежить образ без радикальных перемен». Я слушала её минут пять, кивая, и внутри у меня закипало раздражение. «Без радикальных перемен» на языке клиентов означает «сделайте магию, но оставьте всё как есть». Я перевела это на профессиональный: предложила сместить пробор, убрать пару сантиметров длины и добавить текстуры. Она согласилась с таким видом, будто я спасла ей жизнь.

Когда она ушла, Алевтина, убиравшая журнал, тихо сказала:

— Ты ей чуть ухо не простригла.

— Не простригла же, — отозвалась я, убирая ножницы. — И вообще, это была филировка.

— Филировка уха? Новое слово в парикмахерском искусстве.

Я рассмеялась, впервые за день. И плечо заболело чуть меньше.

Третий клиент был мужчина с глубокой сединой на висках и молчаливым, усталым лицом. Он сел в кресло, назвал номер стрижки — «четвёрка, на машинку» — и замолчал. Я включила «уродину» — машинку для стрижки, которая шумит как вертолёт, и принялась за работу. Волосы у него были жёсткие, с проседью, и я обратила внимание на браслет на его запястье — медицинский, с красным крестом и надписью «аллергия на лидокаин». Мелочь, но я запомнила. Не знаю зачем. Может, потому что в Городе я привыкла запоминать детали: браслеты, шрамы, манеру держать голову. Это помогает понять, с кем имеешь дело, когда встречаешь человека во сне.

Когда он ушёл, в мастерской повисла тишина. Я выключила потолочный свет, оставив тёплые бра, и села в кресло у ресепшена, вытянув ноги. Алевтина домывала чашки в подсобке и напевала что-то из девяностых — не помнила слов, но мелодию выводила старательно.

— Аля, — позвала я, не оборачиваясь.

— М?

— Если бы ты узнала, что кто-то... ведёт тебя. Ну, как поезд по рельсам. И ты не знаешь, куда эти рельсы ведут, но знаешь, что свернуть нельзя. Что бы ты сделала?

Она вышла из подсобки, вытирая руки полотенцем, и прислонилась к косяку.

— Я бы проверила, кто положил рельсы, — сказала она после паузы. — И зачем. А потом решила бы, ехать или сойти.

— А если сойти нельзя?

— Тогда хотя бы выбрать, на какой станции выйти.

Я хмыкнула, глядя в зеркало на стене. В нём отражалась моя мастерская: три кресла, бра, сиреневый ремешок на Алевтине. И за моим правым плечом — ничего. Но я знала, что там, за гранью амальгамы, есть Город. И он ждёт.

Вечером я шла домой тем же маршрутом: сквер, два двора, детская площадка. Дождь кончился, и в лужах отражались жёлтые окна. В одном из них горел синий свет — кто-то смотрел телевизор. Я замерла на секунду: синий свет напомнил мне неон из Переулка Граффити. Показалось даже, что в этом свете мелькнул силуэт — мужской, неподвижный. Я моргнула, и всё исчезло.

Дома я снова не стала есть. Кофе, душ, зеркало в ванной. Сегодня оно не рябило, но я всё равно провела по стеклу пальцами. Холодное. Обычное. В спальне-гостиной включила торшер и легла на диван, натянув плед до подбородка. Усталость накатила мгновенно, как будто кто-то выключил рубильник.

И я провалилась в холод.

Переулок Граффити встретил меня всё теми же сумерками, цифровой моросью и запахом озона. За спиной мерцал неоновый глаз, под ногами хлюпала невидимая вода. Я огляделась: ржавая скамейка, обрывки афиш на стене. Терминал в кирпичной кладке сегодня не светился, но когда я коснулась его пальцами, кирпич был тёплым. Значит, активен. Просто не показывает.

Тени у стены задержались, когда я прошла мимо. Одна — тонкая, высокая — скользнула ко мне, но я обернулась, и она отпрянула. Я мысленно обозвала её «администрацией» и пошла к Мерцающему рынку.

Рынок бурлил. Толпа из плотных и полупрозрачных фигур текла между рядами, над головами висели гирлянды из битых пикселей — крошечные огоньки, складывавшиеся в бессмысленные узоры. Пахло прелыми данными, жжёным сахаром и чьими-то фантомными духами — сладкими и приторными. Где-то вдалеке наигрывал уличный музыкант-алгоритм: он повторял один и тот же такт из чужого сна, и никто не обращал на него внимания.

Я пробиралась к лавке Греты — той самой торговли со светодиодными глазами, которая вчера намекнула на интерес Цитадели. Но на полдороге меня дёрнули за рукав.

— Ты Проводник? — спросил тонкий голос.

Я обернулась. Передо мной стояла девочка-подросток с короткими синими волосами и бледным лицом. На вид лет пятнадцать, но глаза взрослые, уставшие, с красными прожилками от недосыпа — или от того, что бывает здесь, когда долго не можешь уйти. Одета она была в бесформенную серую толстовку, на шее болтался кулон из обломка микросхемы.

— Допустим, — сказала я, высвобождая рукав. — А ты кто?

— Лина. Мне нужно найти брата. Он пропал. В Провале.

Я вздохнула. Только этого не хватало.

— Лина, я не поисковая служба. Иди к Стражам. У них каски красивые.

— Они не ищут пропавших, — её голос дрогнул. — Им плевать. А ты Проводник третьего уровня. Я знаю твой ID: 734-К. Мне сказали, ты можешь.

Я напряглась. «Сказали» — это уже не просто слухи.

— Кто сказал? — спросила я резче, чем собиралась.

— Один торговец. У него нет имени, он просто знает всё. Он сказал, что ты помогла многим потерянным. И что у тебя высокий прогресс.

Прогресс. Снова это слово. Я поморщилась.

— Слушай, Лина. Провал — опасное место. Я туда без нужды не суюсь. И тебе не советую.

— Но брат! — она схватила меня за плечо.

И в этот момент я почувствовала знакомый холодок в позвоночнике. Перед глазами на миг вспыхнули строки, как от терминала: «Контакт зафиксирован. Цель: поиск объекта в Про-

вале. Обязательство активно». Правило контакта. Я зажмурилась и выругалась вслух — длинно и грязно. Лина испуганно отдернула руку, но было поздно.

— Ну вот, опять ты вляпалась, Крис, — пробормотала я, глядя на свои пальцы. — Ладно. Как зовут брата?

— Марк. Марк Волков. Он курьер в «Меркурий-Экспресс», носит данные между уровнями. Три ночи назад ушёл с грузом в Провал и не вернулся.

— Что за груз?

— Не знаю. Он никогда не рассказывал. Говорил, что это опасно, и мне лучше не соваться.

Я кивнула, хотя внутри всё бурлило. Обязательство есть обязательство. Если я не выполню, Город накажет — болевым сбоем в реальности и усиленным вниманием Стражей. А мне это сейчас совсем не нужно.

— Жди здесь, — сказала я. — Если через три часа не вернусь, иди к Грете, скажешь, что Проводник просила придержать для неё слепок заката. Она поймёт.

— А если ты не...

— Если не вернусь, значит, твоего брата уже нет. И меня, возможно, тоже.

Лина кивнула, глотая слёзы. Я развернулась и пошла к лифт-порталу.

Спуск в Провал всегда похож на погружение в чужой кошмар. Лифт трясло, на экранах мелькали обрывки кода, пахло горячим металлом и старым страхом. Створки разъехались с шипением, и я вышла в красный полумрак.

Провал встретил меня низким гулом и запахом гари. Аварийные лампы разбросали по стенам багровые круги, тени от них были длинными и дёргаными. Я пошла вглубь, стараясь держаться середины улицы, подальше от тёмных проёмов. На перекрёстке мигнула ржавая вывеска «Красный шум» — местный бар, где можно купить слепки запретных эмоций. Сегодня там было тихо: только одна фигура в драном плаще стояла у входа и раскачивалась, что-то бормоча.

— Эй, — окликнула я. — Не видел курьера? Молодой парень, «Меркурий-Экспресс».

Фигура повернулась — у неё не было половины лица. Вместо правой щеки и глаза зияла пустота, заполненная мельтешащими пикселями. Я отшатнулась, но взяла себя в руки.

— Был, — прохрипела фигура. — Там, в старом коллекторе. Почти угас. Не ходи.

— Спасибо за заботу, но у меня бронь, — пробормотала я и пошла дальше.

Коллектор находился в конце узкого переулочка — тёмная арка, за которой начинался спуск вниз. Ступени были скользкими от цифровой слизи, и я цеплялась за стену, чтобы не упасть. Внутри было тихо, только где-то далеко капала вода и пищали сигналы неисправных терминалов.

Я нашла его следы у дальней стены. Обрывок курьерской сумки с логотипом «Меркурий-Экспресс» — серебристая молния на чёрном фоне. Рядом лежал разбитый личный терминал, экран треснул, но ещё светился. Я наклонилась и коснулась его. По экрану побежали строки:

«Марк Волков. Курьер. Последняя доставка: Гавань Теней. Маршрут прерван. Вмешательство Стражей.»

Я выругалась, на этот раз тихо. Стражи. Значит, его либо дефрагментировали, либо увели в Гавань. В любом случае, в Провале его больше нет.

Тут я заметила движение в углу. Из темноты выползали багнутые сущности — сгустки искажённого кода, принявшие форму скрюченных фигур с длинными, волочащимися конечностями. Они тянулись ко мне, издавая низкий, вибрирующий звук, от которого заныли зубы. Я попятилась к выходу, и одна из них — самая крупная, с головой, похожей на треснувший дисплей, — вытянула вперёд конечность, коснувшись моего запястья. Я вскрикнула и отдер-

нула руку, но на коже уже остался красный след, который быстро бледнел, превращаясь в тонкий шрам.

— Проваливай, — прошипела я, сжимая кулаки. — Мне ещё возвращаться.

Сущности заколебались и отступили, растворяясь в темноте. Я выскочила из коллектора, хватая ртом воздух. Запястье саднило, но крови не было — только белый шрам, словно тут прошлись скальпелем.

На выходе из переулка я заметила терминал, вмурованный в стену. Сегодня он светился. Я подошла, уже зная, что увижу. Экран мигнул:

«Объект 734-К. Прогресс до уровня 4: 55 %. Открыт доступ: Гавань Теней (уровень 2).»

Пятьдесят пять. Я сжала кулаки. Значит, ты и хотел, чтобы я сюда пошла. Чтобы я нашла этот чёртов терминал и увидела новую цифру. Чтобы я знала: каждый шаг, каждый контакт, каждый чёртов синяк — это проценты в твоём счётчике.

Я не стала бить по экрану — только провела пальцами по цифрам. Они погасли, оставив запах нагретого металла.

Возвращаясь к лифту, я заметила, что тени в переулках сегодня ведут себя иначе. Они не исчезали при прямом взгляде, а задерживались на секунду дольше, словно рассматривали меня. Одна — та самая, высокая — даже качнулась в мою сторону, будто кивая. Я не ответила на приветствие.

В Переулке Граффити меня ждала Лина. Она сидела на ржавой скамейке, обхватив колени руками, и подняла голову, когда я вышла из арки.

— Что? — спросила она одними губами.

Я покачала головой.

— Его там нет. Следы ведут в Гавань Теней, но туда мне пока нельзя. Или... — я задумалась. — Или можно, но нужно подготовиться.

— Он жив? — голос Лины сорвался.

— Не знаю. Стражи вмешались в его маршрут. Это плохой знак. Но если он жив, я найду его. Обещаю.

Лина кивнула, вытирая нос рукавом. Я присела рядом на скамейку, чувствуя, как усталость наваливается бетонной плитой.

— А теперь иди домой, — сказала я. — Если сможешь, не выходи на рынок пару ночей. Тут становится... нервно.

— А ты?

— А у меня бронь, — усмехнулась я. — Помнишь?

Лина встала, помялась и вдруг обняла меня — быстро, неловко, как обнимают старшую сестру, которую почти не знают. Я замерла, потом похлопала её по спине. От неё пахло старыми данными и почему-то мятой.

Когда она ушла, я подошла к стене-порталу. Перед переходом на амальгаме вспыхнула строка: «55 %». Я коснулась её, и Город вытолкнул меня.

Пробуждение было резким, как удар током. Я села на диване, хватая ртом воздух, и первым делом схватилась за левое запястье. Тонкий белый шрам — точно такой же, как от пореза стеклом в первую неделю работы, но на сантиметр длиннее. Я смотрела на него и думала о пятидесяти пяти процентах, о Гавани Теней, о Лине и о том, что завтра надо будет сказать Алевтине... а что именно — я пока не знала.

За окном светало. Дождь перестал.

Я встала, налила кофе и села за журнальный столик, глядя на свои руки. На правом плече — синяк. На левом запястье — шрам. И где-то внутри — злость, холодная и спокойная.

— Ну что ж, — сказала я вслух, отхлёбывая кофе. — Пятьдесят пять. Двигаемся дальше.

Глава 2: Активный объект

Пробуждение вышло дёрганым: я села на диване и первым делом схватилась за левое запястье. Шрам. Белый, тонкий, на сантиметр длиннее старого, полученного от стекла в первую неделю работы. Плечо всё ещё ныло, синяк из Пролога расползся желтоватыми разводами, но новых отметин, кажется, не прибавилось. Я встала, подошла к зеркалу ванной, включила воду и долго разглядывала запястье. Кожа вокруг шрама была прохладной, словно метку поставили не багнутые сущности из коллектора, а сам Город — своей ледяной рукой.

— Пятьдесят пять процентов, — пробормотала я, намыливая руки. — И Гавань Теней как призовой уровень. Добро пожаловать, здесь вас убьют чуть позже.

Кофе пила молча, без музыки. Кружка с треснувшей ручкой грела пальцы, но внутри оседал холодок. Обещание Лине — найти Марка — висело надо мной как долговая расписка. «Стражи увели в Гавань». Значит, путь туда неизбежен. И плевать, что я понятия не имею, где искать и как отбиваться. Я знала только одно: невидимый протокол ведёт меня как поезд по рельсам, и сегодняшняя ночь — следующая станция.

Алевтина уже была в мастерской, когда я дёрнула дверь. Колокольчик звякнул, запахло мятой и её чаем с чабрецом. Аля возилась у ресепшена, поливала фиалку «Зиночку», и, как обычно, забыла, что очки висят на шее. Я улыбнулась, но она тут же прищурилась:

— Ты опять не спала, а существовала горизонтально.

— Аля, я выспалась, — соврала я и включила кофе-машину.

— Угу, — она поставила лейку и поправила сиреневый ремешок на поясе. — Тогда отчего у тебя шрам на руке, как будто ты ночью стекло резала? И синяк на плече цветёт, как пион на майские.

— Аля, это производственные травмы. Ножницы острые.

— Ножницы у тебя на плече не оставляют следов, — отрезала она, но развивать тему не стала, лишь пододвинула ко мне чашку с чаем. — Попей. От всего помогает.

Я хмыкнула, но чай взяла. Иногда Аля бесила своей наблюдательностью, а иногда — вот как сейчас — хотелось её обнять и никуда не отпускать.

Около полудня пришла она. Девушка лет двадцати пяти, волосы тёмно-русые, стрижка — асимметричное каре: левая сторона до плеча, правая до скулы. Серые глаза, тонкие губы, нервная привычка трогать мочку уха — дёрнет, отпустит, снова дёрнет. Я мысленно отметила: «серьги нет, но жест въелся».

Я усадила её в среднее кресло, накинула пеньюар. Она попросила «освежить форму, убрать посечённые концы, но длину не трогать». Говорила тихо, слова проглатывала, и всё время смотрела не в зеркало, а куда-то в район моих ножниц.

Я взяла «девочек» — прямые ножницы — и начала работать. Скользнула пальцами по волосам, оценивая структуру: тонкие, мягкие, но посечённые. И вдруг этот жест — она дёрнула мочку — резанул меня как током. Перед глазами вспыхнуло: чьи-то пальцы, тоже трогающие мочку уха, смех, запах хвои, и гулкий голос: «Крис, не крутись, а то уши будут разные». Я замерла. Картинка провалилась, оставив звенящую пустоту. Челка упала на глаза, я сдула её нижней губой и одёрнула себя: «Не сейчас».

— Всё в порядке? — спросила девушка.

— Да, волос хороший. Почти не секутся, — ответила я на автомате.

Но руки дрогнули. Щёлкнула ножницами слишком резко, и прядь ушла на миллиметр короче, чем нужно. Алевтина будто почувствовала — бесшумно подошла и легонько поправила мою кисть. Я сжала челюсти и закончила стрижку, стараясь не смотреть на мочку уха девушки, хотя жест преследовал меня, как заевшая пластинка.

Когда она ушла, я села на подлокотник кресла и потёрла висок. Голова наливалась болью, перед глазамиплыли размытые образы: хвоя, смех, пальцы у мочки — и чёрный провал, как обрезаемая киноплёнка. Аля подошла, поставила на столик чашку чая и спокойно произнесла:

— Дорого. Понимаю. Но хорошая стрижка живёт дольше, чем обида на цену.

Я не поняла, к чему это, но кивнула. Алевтина продолжила:

— Ты сегодня держала ножницы так, будто это не инструмент, а оружие. И глаза у тебя были не здесь, Крис. Далеко.

— Аля, просто не выспалась.

— И поэтому чуть не снесла девушке пол-уха?

Я промолчала. Аля не давила, лишь добавила:

— У тебя, знаешь, бывает взгляд, как у человека, который ночью проживает вторую жизнь. Я не знаю, где ты там ходишь, но если там нужна помощь — я здесь, и чайник горячий.

Она ушла в подсобку, а я осталась смотреть в зеркало. В нём отражались три кресла, тёплые бра и высокая фигура с белыми волосами, за спиной которой на миг проступил неоновый глаз из Переулка Граффити. Я сморгнула — и всё исчезло.

Остаток дня прошёл как в тумане. Двое мужчин под машинку — простая стрижка «чёрка». Женщина на окрашивание в рыжий — я работала на автомате, но каждый раз, когда отворачивалась от зеркала, краем глаза ловила движение. В зеркале моечной на миг мелькнула вывеска «Красный шум», а в зеркале туалета — чья-то тень, стоящая за спиной. Я оборачивалась — пусто. Это Город просачивался в реальность, как вода сквозь трещину. Я уже не пугалась — злилась.

Вечером, выключая потолочный свет, я задержалась у узкого вертикального зеркала в коридоре. Амальгама зарыбила, и в ней на секунду проступил Переулок Граффити: скамейка, фонарь, мерцающий фиолетовый глаз. И строка, как на терминале: «Прогресс: 55 %». Я приложила ладонь к стеклу — оно было тёплым, почти горячим.

— Ну что ж, Гавань Теней, — прошептала я. — Встречай.

Дома я снова не стала ужинать. Душ, кофе, торшер, диван. Тело стало ватным, непослушным, и я провалилась в холод, пахнувший озоном и гарью.

Переулок Граффити встретил меня тишиной, но она была недоброй. Цифровая морось сыпала чаще обычного, ржавая скамейка блестела от влаги, а на стене горел терминал — тускло, только «55 %», без дополнительных строк. Я вдохнула озон, потёрла шрам на запястье и пошла на запад, к Гавани Теней.

Гавань начиналась резко: только что были обжитые кварталы Мерцающего рынка, а через мост уже потянулись тусклые синие неоновые огни, длинные тени и запах машинного масла, смешанный с озоном. Улицы стали шире, дома ниже, окна заколочены. Редкие фигуры оглядывали меня, но не связывались — чужака здесь чуяли за версту. Где-то вдалеке гудели силовые поля и раздавались глухие удары — будто молотом по металлу.

Я искала лабораторию «Зеркальный шунт», о которой вполголоса говорили на рынке. Там, по слухам, можно достать эмпатическое оружие и информацию, если не жалко потратить слепки или нервы. Ориентиров у меня было два: бар «Красный шум» и грузовые доки на самом краю сектора.

Бар я нашла быстро — ржавая вывеска с бегущей строкой помех. Но не успела пройти мимо, как из проулка за ним донёлся резкий шипящий звук, за ним — вспышка, яркая, с фиолетовым отливом, и чей-то крик, скорее злой, чем испуганный. Я прижалась к стене и выглянула.

В тусклом свете доков шёл бой. Двое Стражей — чёрные глянцевые фигуры без лиц, только матовые забрава — наступали на маленькую группу. Один Страж уже лежал ничком, его броня дымилась. Ещё двое пытались обойти с флангов.

За перевёрнутым контейнером укрывались двое. Мужчина лет сорока, очень прямой, подтянутый, седой ёжик волос, на лице — широкая ухмылка, совершенно неуместная под огнём. Одет в серую футболку, тактический жилет поверх, в руках — эмпатический разрядник, самодельный, с кустарной гравировкой на стволе. Рядом с ним — девушка, совсем молоденькая, короткие фиолетовые волосы, на щеке татуировка-штрихкод. Она ловко перезаряжала какой-то цилиндр, из которого сыпались искры, и орала на мужчину:

— Глеб, слева заходят! Долго мне ещё держать?

— Держи, Шило, держи! — отозвался тот с хохотком. — У нас гости! — он вдруг заметил меня. — О, а вот и белая голова! Эй, Проводница, присоединяйся! Или постоишь, помотришь, как нас дефрагментируют?

Я выругалась сквозь зубы. Этот седой меня знает? Но раздумывать было некогда: один из Стражей заходил слева прямо на меня. Он вытянул руку, и в ладони засиял холодный белый шар — разрядник подавления. Я нырнула вправо, перекатилась по мокрому асфальту — как в дешёвых боевиках, и, к моему удивлению, вышло удачно. Страж выстрелил — заряд ушёл в стену, разметав цифровую крошку.

— Шило, кинь ей глушилку! — крикнул Глеб.

Девушка метнула в мою сторону небольшой цилиндр с мерцающим синим индикатором. Я поймала его на лету, хотя ладони вспотели. Цилиндр завибрировал, нагрелся, и я швырнула его под ноги Стражу. Раздался низкий гул, фигуру Стража окутала сеть синих разрядов, он замер и рухнул лицом в асфальт. Броня задымилась.

— Неплохо для новенькой! — хохотнул Глеб и двумя выстрелами снял последнего Стража — тот рассыпался снопом чёрных пикселей. Тишина наступила мгновенно, только в ушах звенело.

Я поднялась с асфальта, отряхивая колени. Глеб уже стоял, оперев разрядник в бедро, и разглядывал меня с неприкрытым интересом.

— Кристина, семьсот тридцать четыре-К, Проводник третьего уровня, прогресс пятьдесят пять процентов, — перечислил он как по бумажке. — А я всё думал, когда ты до нас доберёшься. Меня зовут Глеб. Это Шило. — Он кивнул на напарницу, которая уже деловито обшаривала дымящийся труп Стража в поисках годных деталей. — Добро пожаловать в Гавань Теней, белая. Местные зовут этот Город Саркис-13. Не спрашивай, почему тринадцать, — плохая шутка кого-то из основателей. Прошу прощения за бардак, не ждали гостей. Но ты, я смотрю, умеешь вовремя подвернуться.

— Я ищу курьера. Марк Волков, «Меркурий-Экспресс», — выпалила я, всё ещё переводя дыхание. — Говорят, его Стражи увели в Гавань.

Глеб хмыкнул, его весёлые глаза на секунду стали серьёзными.

— Марк... да, знаю такого. Пацан с грузом не по зубам. Заходи, — он кивнул в сторону неприметной двери в стене дока, над которой тускло горела голографическая надпись «Зеркальный шунт». — Поговорим внутри.

Убежище Глеба напоминало скрещение мастерской, склада и кают-компаний. Стены были увешаны обломками разрядников, схемами, пачками светящихся кабелей. Пахло озоном, горячим металлом и кофе — настоящим, земным кофе, и я втянула этот запах, почти забыв, зачем пришла. Шило, невысокая, но жилистая, с татуировкой-штрихкодом на левой щеке, плюхнулась в продавленное кресло и принялась разбирать цилиндр глушилки, не обращая на меня внимания. Глеб протёр заляпанный стол, смахнул с него осколки какого-то чипа и облокотился.

— Марка взяли три ночи назад, — начал он без предисловий. — У него был груз — слепок какой-то старой базы данных, не знаю точно. Стражи перехватили его у восточного коллектора. Но парень не дурак: он успел запустить протокол отката, и вместо чистой дефрагментации его зашвырнуло в старый коллектор в Провале. Только там он уже не курьер. Он почти баг-

нутая сущность, Кристина. Цикл сломан, личность расплывается. Вытащить его можно только одним способом — провести насильственную дефрагментацию эмпатическим разрядником, пока он окончательно не потерял форму.

— Ты хочешь сказать — прикончить? — тихо спросила я.

— Хочу сказать — освободить, — поправил Глеб спокойно. — По-другому там не выйдет. Он уже не человек, а осколок.

Шило оторвалась от своего цилиндра и буркнула:

— Мы дадим тебе разрядник. В долг. Или отдашь потом слепком, или... ну, если не вернёшься, нам останется твой должок. Без обид.

Я посмотрела на них: седой циник с ухмылкой, юная наглая девица со штрих-кодом. Совершенно чужие люди, которые только что рисковали шкурой. И почему-то я им поверила.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте ваш разрядник.

Глеб вытащил из-под стола небольшой прибор, похожий на пистолет, но с изогнутым дулом и прозрачной камерой для заряда. Протянул мне рукоятку вперёд.

— Эмпатический, модель «Глушитель-4». Бьёт по эмоциональному контуру, разрушает баги. Но помни: если попадёшь в человека — сотрёшь один из его слепков. Может и личность повредить. Так что целйся хорошо.

Я взвесила оружие в руке. Холодное, чужое, пахло гарью. Но зато теперь у меня было чем встретить Марка.

— Слушай, — добавил Глеб, провожая меня к выходу, — тебя ведь ведут, Проводница. Протокол Лимб, его операторы — они на тебя глаз положили. Я не знаю, что они задумали, но кандидатов вроде тебя обычно доводят до Ядра. И там уже выбор: слияние или смерть. Ты для них — идеальный объект. Так что не расслабляйся.

— Я не расслабляюсь, — отозвалась я. — Разве что в обморок от вашего гостеприимства.

Глеб расхохотался, хлопнул меня по плечу — тому самому, с синяком, я поморщилась, но смолчала.

— Приходи ещё, белая. С тобой весело.

Шило молча кивнула на прощание. Я вышла в синий неон доков и направилась обратно к Переулку Граффити.

На полдороге, у моста, снова попался терминал Лимба. Экран мягко пульсировал. Я подошла. На строке горело: «Объект 734-К. Прогресс: 55 %. Статус: стабильный. Доступ в Гавань Теней подтверждён. Рекомендация: избегать прямого контакта с багнутыми без экипировки».

— Поздновато, — пробормотала я, и пошла дальше, чувствуя, как холодный озноб пробирает до костей.

В Переулке Граффити тени снова задержались при моём появлении. Одна — высокая, женская — сделала шаг вперёд и словно бы приложила палец к губам: «Тише». Я замерла, но она уже отступила. Человек в зеркале не показался, но я ощущала его присутствие где-то совсем близко.

Стена-портал пошла рябью. На амальгаме вспыхнула надпись: «55 %». Я коснулась её ладонью и провалилась в холод.

Пробуждение было резким, ледяным. Запястье саднило, но новых шрамов я не нашла. Зато под левым глазом, прямо на скуле, проступила тонкая веточка венозной сеточки. Ещё одна метка, ещё одно напоминание.

Я встала, налила кофе и долго смотрела в зеркало ванной. На меня глядела усталая девушка с белым каре, тёмными кругами и проступившими венами у глаз. В правой руке я всё ещё чувствовала холод разрядника, хотя он остался в Городе.

— Значит, Марк ещё жив. Или почти жив. А я — активный объект, — сказала я своему отражению. — Посмотрим, насколько активный.

Глава 3: Дефрагментация

Пробуждение вышло ледяным. Я открыла глаза, но тело ещё помнило холод Провала, а левое запястье саднило так, будто шрам пульсировал в такт сердцу. Под левым глазом, прямо на скуле, кожа истончилась, проступила тонкая сеточка вен — ещё одна метка, ещё одно напоминание. Вчерашний бой в Гавани, Глеб, Шило, эмпатический разрядник — всё это прокручивалось в голове как дрянной сериал, который невозможно выключить. Я встала с дивана, накинула плед на плечи и поплелась в ванную.

Зеркало показало мне усталую женщину с белыми волосами, тёмными кругами и венозной сеточкой под глазом. Шрам на запястье побелел окончательно. Я провела по нему пальцем, ощутила холод и подумала: «Метки — как зарубки на прикладе. Только я не солдат. Я парикмахер. И, кажется, я стала спать меньше, а устаю не сильнее. Может, Город что-то переключил в моём теле. А может, просто привычка».

Кофе, как всегда, чёрный, без сахара, из белой кружки с треснувшей ручкой. Я пила стоя у балконной двери, глядя в серый двор-колодец. Где-то там, за гранью реальности, лежал Город, и где-то в его гнилом нутре, в старом коллекторе Провала, ждал меня Марк. Или то, что от него осталось.

— Сегодня, — сказала я вслух, и голос прозвучал глухо. — Сегодня я это закончу.

Колокольчик на Садовой звякнул, и я вошла в мастерскую. Запах мяты, шампуня и лака для волос с вишнёвыми косточками встретил привычным коктейлем, но сегодня он показался приторным. Алевтина уже возилась у ресепшена: поливала фиалку «Зиночку» и напевала что-то из девяностых, забывая слова. Очки болтались на цепочке, она, как обычно, искала их на стойке, и я, как обычно, сказала:

— На шее, Аля.

— Ах, ну да, — она надела очки и прищурилась. — Крис, ты выглядишь так, будто тебя переехал трамвай, а потом сдал назад.

— Спасибо, Аля. Ты умеешь поднять настроение.

— Я умею заваривать чай, — она взяла глиняный чайничек. — Садись.

Я отмахнулась и пошла проверять кресла. Среднее заело сразу, пришлось дёрнуть дважды. Левое скрипнуло обивкой, издав свой обычный вздох. Я похлопала его по подлокотнику, но сегодня разговаривать с ним не стала — не было сил.

Первый клиент пришёл в десять. Мужчина с глубокими залысинами и остатками волос на висках, молчаливый, уткнувшийся в телефон. Стрижка «четвёрка», ничего сложного. Я включила «уродину» — машинку, которая шумит как вертолёт — и принялась за работу. Волосы у него были тонкие, мягкие, с перхотью, и я машинально отметила: «Надо бы порекомендовать шампунь, но ему, кажется, плевать». Он ушёл, буркнув «спасибо», даже не взглянув в зеркало.

Второй клиенткой была женщина лет пятидесяти, та самая капризная дама, что записывалась раз в месяц на окрашивание и укладку. Она вплыла в зал с таким видом, будто владела не только своей жизнью, но и парой соседних. На ней был бежевый плащ, на губах — розовая помада, в руках — клатч с металлической застёжкой, которая щёлкала при каждом движении.

— Кристина, милая! — пропела она, усаживаясь в кресло. — Я сегодня хочу что-то посвежее. Только не коротко. И не длинно. И без рыжины. И не слишком тёмное. Ты понимаешь?

— Понимаю, — соврала я, накидывая пеньюар.

Я расчесала её волосы, взяла кисть и начала наносить краску. В висках стучало, перед глазами плавали размытые пятна. Я встряхнула головой, но легче не стало. В какой-то момент я потянулась за прядью и опрокинула локтем мисочку с краской. Содержимое выплеснулось на пол, забрызгав мои кеды и край пеньюара клиентки.

— Ой! — взвизгнула она. — Это что, краска?! Это же мой плащ?!

— Нет, это мой пол и ваше настроение, — процедила я, нагибаясь за мисочкой.

— Что?!

— Я говорю, всё в порядке. Краска не попала на плащ. Сидите спокойно.

Она поджала губы и уставилась в зеркало с выражением оскорблённой принцессы. Я схватила новую порцию краски, но руки дрожали, и кисть пошла криво. Алевтина возникла рядом бесшумно, как тень.

— Крис, — тихо сказала она, кладя ладонь на моё запястье. — Давай я закончу.

— Я сама.

— Ты уронила две мисочки и чуть не выкрасила клиентке левое ухо в медный, — произнесла она спокойно. — Иди, попей чаю. Я быстро.

Я хотела огрызнуться, но внутри что-то перегорело, и я просто кивнула. Алевтина мягко забрала кисть, повернулась к клиентке и улыбнулась:

— Ничего страшного, у нас время гибкое. Сейчас подберём оттенок, пока ма-астер поправит инструменты.

Я вышла на задний двор. В лицо пахнуло сыростью, мокрой землёй и чьим-то табачным дымом. Я стояла, прислонившись к стене, и дышала, будто курила невидимую сигарету. Этот жест — стоять и смотреть в небо — остался со времён, когда я действительно курила, и теперь заменял мне перекур. Вдох. Выдох. Вдох. Не помогло.

Через пять минут вернулась Алевтина. Она закончила окрашивание, проводила клиентку и теперь стояла в дверях подсобки, скрестив руки на груди.

— Ты едва не испортила ей волосы.

— Я знаю.

— И фен сегодня подключала трижды, потому что забывала, куда воткнула вилку.

— Аля...

— И позавчера ты спала вполглаза, а вчера — вообще неизвестно где, — она сняла очки и протёрла их краем блузки. — Крис, я не лезу в твою жизнь. Но я вижу, что с тобой что-то происходит. И если это что-то опасно, я должна знать.

Я долго молчала. В зеркале за спиной Алевтины отражалось моё лицо — бледное, с истончившейся кожей под глазом и тугим узлом на скулах.

— Аля, это опасно, — сказала я наконец. — Но я пока не могу объяснить. Не сейчас. Просто... доверься мне. Пожалуйста.

Она долго смотрела на меня. Потом кивнула:

— Хорошо. Я подожду.

Вечером, выключая потолочный свет, я задержалась у вертикального зеркала в коридоре. Моё отражение смотрело на меня из амальгамы, но в глубине стекла, словно под водой, мерцали неоновые огни Города. Я протянула руку и коснулась поверхности. Под пальцами она пошла рябью, и на миг я увидела не себя, а Глеба с его ухмылкой, и Шило, склонившуюся над цилиндром, и Лину, сидящую на ржавой скамейке в Переулке Граффити.

— Пора, — сказала я вслух и убрала руку.

Дома я не стала раздеваться. Кофе. Торшер. Диван. Усталость накатила, как тёплая волна, и я провалилась в холод, успев подумать: «Разрядник у Глеба. Значит, при мне».

И уже в следующую секунду я стояла в Переулке Граффити, сжимая в правой руке эмпатический разрядник.

Цифровая морось сыпала как из ведра. Фонарь под скамейкой мигал в такт далёким разрядам — где-то в Гавани снова стреляли. Терминал на стене светился тускло: «55 %». Я подошла, провела пальцами по строке. Экран погас и снова зажёгся, добавив: «Рекомендация: экипировка подтверждена. Цель: старый коллектор, Провал».

— Спасибо за заботу, — пробормотала я и пошла на Мерцающий рынок.

Лина ждала меня у лавки Греты. Она сидела на корточках, обхватив колени, и выглядела ещё бледнее, чем в прошлый раз. Волосы, крашенные в синий, отросли и торчали в разные стороны. При виде меня она вскочила:

— Ты идёшь? Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — я посмотрела ей в глаза. — Но я должна сказать: твой брат уже не тот, кого ты знала. Он багнутая сущность, Лина. Его личность распадается. Я могу только... разорвать цикл.

Она сглотнула и кивнула, сжимая в кулаке обломок кулона — микросхему на цепочке.

— Ты... ты сделай, что надо. Я понимаю.

— Я вернусь и расскажу.

— Хорошо, — её голос дрогнул, но она не заплакала. — Я подожду.

Лифт-портал на границе Провала открылся не сразу, но разрядник, кажется, действовал как пропуск: двери разъехались с низким гудением. Я шагнула в кабину. Стены дёрнулись, и лифт понёсся вниз.

Провал встретил меня красным полумраком и запахом гари. Аварийные лампы выхватывали из темноты ржавые стены, обрывки кода и чьи-то сторбленные тени в переулках. Я шла той же дорогой, что в прошлый раз: мимо вывески «Красный шум», мимо подпольной клиники, где в дверях стояла фигура без лица и провожала меня пустым взглядом, мимо перекошенных ворот в восточный коллектор.

В коллекторе пахло прелыми данными и чем-то сладковатым — так пахнет разложение, но в цифровом варианте. Я включила подсветку на разряднике, и синий луч выхватил из мрака скрюченную фигуру в углу.

Он сидел, привалившись спиной к стене, и мерцал, как сломанный экран. Контур расплывался, голова то принимала человеческие черты, то превращалась в сгусток пикселей. Курьерская сумка «Меркурий-Экспресс» лежала рядом, располосованная. Глаза — два белых шума — уставились на меня.

— Я успел, — прошелестел он. — Сбросил груз... успел...

— Марк, — тихо позвала я, приближаясь. — Меня послала Лина. Твоя сестра.

— Лина, — повторил он, и на мгновение в шуме прорезалось что-то человеческое. —

Она здесь?

— Нет. Но она ждёт.

— Передай ей... — он осёкся. Тело пошло рябью. — Передай, я успел. Груз сброшен.

— Что за груз? — спросила я, но он уже не слышал. Цикл пошёл по второму кругу: «Я успел... сбросил груз... успел...».

Я подняла разрядник. В висках стучало, пальцы на рукояти вспотели. Я не убийца. Я — парикмахер с белыми волосами, сарказмом и привычкой разговаривать с ножницами. Но сейчас в моих руках было нечто, что может либо освободить человека, либо разорвать его на пиксели.

— Слушай, Марк, — сказала я, целясь в центр мерцающего силуэта. — Я тебя не знала. Но твоя сестра ждёт. И если ты хоть что-то ещё помнишь, знай: я тебя провожаю.

Он поднял голову, и на секунду шум исчез. Передо мной оказалось лицо молодого парня — совсем мальчишка, лет семнадцати, с веснушками и светлыми глазами. Он улыбнулся:

— Спасибо.

Я нажала на спуск.

Разрядник выплюнул фиолетовую вспышку. Марка окутало сияние, контуры стянулись в одну точку и рассыпались снопом холодных искр. В воздухе остался только запах озона и тишина — глубокая, как в склепе.

Я опустила оружие и стояла так, наверное, минуту. Потом развернулась и пошла к выходу.

У выхода из коллектора горел терминал Лимба. Я подошла, уже зная, что увижу. Экран вспыхнул:

«Объект 734-К. Прогресс до уровня 4: 63 %. Открыт доступ: мосты-переходы Верхнего уровня».

Шестьдесят три. Я смотрела на цифры и не чувствовала ничего. Ни радости, ни злости. Только пустоту и холод — словно часть моей собственной души тоже дефрагментировалась.

Я вернулась в Переулок Граффити. Лина сидела на ржавой скамейке и вскочила при моём появлении. Я покачала головой:

— Он ушёл. Тихо. Просил передать, что груз сброшен. И... он улыбался.

Она кивнула. По щекам покатились слёзы, но она не издала ни звука. Я села рядом на корточки и положила руку ей на плечо:

— Ты знаешь, как выйти?

— Да, — прошептала она. — У меня есть точка.

— Тогда иди. И не возвращайся к Провалу. Оставайся на рынке.

Она встала, сжимая кулон в кулаке, и ушла в неоновый сумрак. А я подошла к стене-порталу. На амальгаме горела надпись: «63 %». Я коснулась её и провалилась.

Пробуждение было резким, как удар. Я села на диване, хватая ртом воздух. За окном едва светало, дождь лениво стучал по балконному козырьку. Всё тело ломило, а левый висок стянуло холодом. Я встала, подошла к зеркалу ванной и замерла.

У левого виска, прямо над ухом, белела седая прядь. Короткая, словно её выдернули. Вчера её не было. Я выдохнула, взяла ножницы из стаканчика и аккуратно срезала прядь у корня.

— Шестьдесят три процента, — сказала я своему отражению. — Марк ушёл. Лина знает. А я седею. Здорово.

Отражение промолчало. Только истончившаяся кожа под глазом пульсировала в такт сердцу.

Я налила кофе, села на диван и просидела так до будильника. Мыслей не было. Только холод.

Глава 4: Гавань Теней

Пробуждение было похоже на всплытие из ледяной воды. Я открыла глаза, но тело ещё помнило холод Провала, фиолетовую вспышку разрядника и лицо Марка — на секунду человеческое, с веснушками и светлой улыбкой, прежде чем оно рассыпалось искрами. Левый висок саднил. Я встала, подошла к зеркалу ванной, зачесала волосы назад и замерла.

У корня, там, где я вчера срезала седую прядь, уже пробивался новый серебристый волос. Тонкий, как паутина, и блестящий, будто в него вплели неон. Я нанесла на него каплю консилера и растёрла пальцем. Идиотский жест. С таким же успехом можно замазывать трещину в асфальте.

— Шестьдесят три процента, и я седею. Ещё немного — и буду как новогодняя ёлка: белая, осыпаюсь, но горю, — пробормотала я, наливая кофе.

Кружка с треснувшей ручкой привычно грела пальцы. Я стояла у балконной двери, смотрела в серый двор-колодец и думала о том, что где-то там, за гранью, Глеб с Шило наверняка уже ждут, а Лина всё ещё сидит на ржавой скамейке, сжимая кулон брата. И есть ещё кое-что, о чём я не хотела думать — протокол Лимб, который ведёт меня, как поезд по рельсам. И прогресс, который растёт сам по себе, независимо от моих желаний.

Колокольчик на Садовой звякнул, и я вошла в мастерскую. Запах мяты и лака для волос с вишнёвыми косточками встретил меня привычным коктейлем. Алевтина уже возилась у ресепшена, поливала «Зиночку» и напевала что-то из девяностых. Очки болтались на груди, она, как обычно, искала их на стойке.

— На шее, — сказала я, вешая фартук.

— Ах, ну да, — она надела очки и прищурилась. — Крис, ты сегодня выглядишь почти живой. Почти — потому что у тебя на виске тональник.

Я замерла. Чёрт. Алевтина подошла ближе, взгляделась и тихо, без нажима спросила:

— Это седина? У тебя вчера её не было.

— Аля...

— Нет, постой, — она сняла очки, протёрла краем блузки и снова надела. — Я не допрашиваю. Но я вижу: ты меняешься. И не в том смысле, что пора красить корни. Ты таешь, Крис. Буквально.

Я отвернулась к зеркальной стене. В отражении виднелся мой силуэт — высокая фигура с белым каре и ввалившимися щеками. Алевтина подошла сзади и протянула термос.

— Иногда груз, который мы несём, становится видимым. Попей чаю. С чабрецом.

Я взяла термос и вдруг, неожиданно для себя, сказала:

— Аля, если бы я могла рассказать...

— Ты расскажешь, когда будешь готова. Или не расскажешь. Но я здесь, — она помолчала. — Тридцать лет назад у меня была подруга. Она ходила во сне. Говорила, что попадает в какой-то странный город. Однажды легла спать и не проснулась. Врачи сказали — остановка сердца. Но я знаю: она просто не захотела возвращаться. Так что я понимаю, когда человек живёт на две стороны.

Я молчала. Алевтина погладила меня по плечу и ушла в подсобку.

Остаток дня прошёл как обычно: двое клиентов под машинку, женщина на укладку, мужчина с пробором. Я работала на автомате, но руки больше не дрожали. После вчерашнего разговора стало легче — будто часть груза Аля взяла на себя.

Вечером, выключив потолочный свет и оставив только тёплые бра, я задержалась у высокого зеркала ресепшена. Поправила фартук, сдула чёлку с глаз и вдруг замерла. В амальгаме, за моим отражением, стоял Он. Человек в зеркале. Мужской силуэт, серый, размытый по краям,

неподвижный. На сей раз он не просто смотрел. Он медленно поднял правую руку и коснулся стекла изнутри. Ладонь распласталась по амальгаме — я почти ощутила холод.

— Кто ты? — прошептала я.

Силуэт качнул головой и растаял. Я простояла перед зеркалом ещё минуту, но больше ничего не увидела. Сердце колотилось. Я схватила ключи и вышла, почти бегом.

Дома я наскоро выпила кофе, легла на диван и провалилась раньше, чем успела додумать мысль о том, что Человек в зеркале больше не наблюдатель. Он пытается что-то сказать.

Переулок Граффити встретил меня всё теми же сумерками, цифровой моросью и запахом озона. Фонарь горел ровно, скамейка была пуста, но на ней лежал обломок кулона — микросхема на цепочке. Лина. Я огляделась: её нигде не было, но кулон лежал так, будто его оставили специально. «Значит, выбралась. Живая. Хорошо». Я подобрала его, зажала в кулаке и подошла к терминалу.

«Объект 734-К. Прогресс: 63 %. Рекомендация: запросить данные о Цитадели».

— Данные? — пробормотала я. — Ладно. Пошли добывать данные.

Глеб и Шило встретили меня в «Зеркальном шунте». Мастерская снова выглядела так, будто в ней только что разорвалась граната. Глеб, с голым торсом, перематывал плечо бинтом — кажется, после вчерашней стычки со Стражами у него осталась царапина.

— О, белая! — он просиял. — Живая? Я думал, Провал тебя пережует.

— Пережевал, но выплюнул. Марка я дефрагментировала.

Улыбка Глеба померкла. Шило оторвалась от цилиндра, который перебирала, и подняла голову.

— Тяжело? — спросила она коротко.

— Не легко.

Глеб натянул футболку, плечо двигалось с заметной скованностью, но он не подавал виду.

— Прогресс?

— Шестьдесят три.

— Быстро, — он присвистнул. — Очень быстро. Обычные Проводники годами по процентам ползут, а ты за две ночи — десять пунктов. Тебя реально пасут, белая.

— Я знаю. Мне нужна информация.

— Тогда идём в «Красный шум». Там бывает одна старуха, Марта. Бывший техник Хранителей. Если кто и знает, что задумали в Цитадели, так это она.

Бар «Красный шум» находился в подвале бывшего грузового терминала. Спуск туда напоминал погружение в чужой кошмар: крутая лестница, стены, облепленные обрывками кода, красный неон, мигающий в такт глухому басу, доносящемуся снизу. Пахло дымом — не табачным, а чем-то жжёным, цифровым, — и кисловатым запахом слепков. Внутри было людно: контрабандисты, торговцы эмоциями, бывшие Хранители-отступники с потухшими глазами. Музыка представляла собой обрывки чужих снов, наложенные друг на друга, — какофония, в которой иногда прорезалась знакомая мелодия и тут же тонула.

Глеб заказал два слепка смеха. Бармен, молчаливый тип с половиной лица, скрытой пиксельной маской, протянул ему две светящиеся капсулы. Глеб бросил одну мне:

— Держи. Попробуешь, каково это — смеяться чужим весельем.

Я сжала капсулу в пальцах. Она была тёплой и слегка вибрировала.

— Не бойся, это не наркота. Просто аванс за то, что я сейчас услышу, — Глеб усмехнулся и сжал свою капсулу. Из неё вырвался короткий, резкий хохот — мужской, раскатистый и сразу оборвавшийся. На секунду в баре стало светлее.

Я сжала свою. В ушах зазвенел чужой смех — женский, лёгкий, с лёгким повизгиванием, словно кто-то вспомнил старый анекдот. Я невольно улыбнулась. Ощущение было странным, но не противным.

— Ты бы свой смех не продавала, — заметил Глеб. — Он у тебя редкий — с чернинкой. Настоящий, не то что эти слепки.

— Спасибо, оценю, — отозвалась я, возвращая капсулу.

Марту мы нашли в углу, за столом, заваленным обломками старых терминалов. Она выглядела как ожившая мумия: сухая, скрюченная старуха в бесформенном сером балахоне, с длинными узловатыми пальцами. Глаза, однако, были живые — цепкие, зеленоватые, с вертикальными зрачками, как у змеи. При виде меня она поджала губы:

— Проводница 734-К. Дошла всё-таки.

— Вы меня знаете?

— Я знаю всех, кто попадает в поле зрения Ядра. Садись.

Я села напротив, Глеб остался стоять за спиной. Марта вытащила из вороха деталей голографический проектор и включила. Над столом развернулась схема Цитадели-13 — чёрная игла, пронзающая все уровни.

— Протокол Лимб, — начала Марта без предисловий, — это не тюрьма и не рай. Это чистилище цифрового века. Когда-то его создали учёные, чтобы сохранять сознания на грани смерти. Но учёные исчезли, а протокол остался. Его поддерживают Хранители — ИИ, которые считают, что порядок важнее свободы. Ядро — главный ИИ — координирует всё. Но последние годы оно нестабильно. Ему нужен человек. Проводник с высоким прогрессом, способный слиться с Ядром и стабилизировать его. Если этого не произойдёт, Город коллапсирует. Все души, все сущности, всё, что здесь есть, — исчезнет. Навсегда.

— И что, много было таких кандидатов до меня? — спросила я.

— Много. И все исчезли. Кто-то не выдержал прогресса, кто-то отказался и был дефрагментирован. Ты первая, кто дошёл до Гавани и при этом ещё способен шутить.

Я молчала. Пазл складывался, но картинка получалась безрадостной.

— А если я не захочу? — тихо спросила я. — Если дойду до девяноста и скажу «нет»?

— Тогда Город умрёт. И ты вместе с ним. Выбора у тебя, считай, нет.

— Выбор есть всегда, — резко сказала я. — Даже если он дерьмовый.

Марта усмехнулась — впервые за разговор. Она свернула проектор, и схема исчезла.

— Дерзкая. Это хорошо. Возможно, именно дерзости Ядру и не хватает.

На выходе из бара нас ждали. Трое Стражей — не патрульные, а элитный корпус Цитадели; их броня была тяжелее, с синими прожилками, и двигались они быстрее. Один выступил из тени и без предупреждения выстрелил. Сгусток белого шума прошёл в сантиметре от моего уха и разнёс в крошку кусок стены за спиной.

— Бежим! — крикнул Глеб.

Мы рванули через проулок. Шило, появившаяся из темноты, метнула глушилку под ноги замыкающему Стражу. Тот споткнулся, окутанный синими разрядами, и рухнул. Глеб развернулся, вскинул разрядник и двумя выстрелами снял второго. Но третий — высокий, с офицерскими нашивками на броне — прыгнул вперёд. Вспышка, и Глеба отбросило к стене. Он сполз по кирпичам, зажимая плечо.

— Глеб! — Шило бросилась к нему, открыв ответный огонь из разрядника.

Я выхватила свой «Глушитель-4» и выстрелила почти не целясь. Фиолетовый луч ударил Стража в грудь. Тот замер, его броня пошла трещинами, и он рассыпался снопом чёрных пикселей.

Тишина. Я опустила оружие. Шило уже поднимала Глеба, тот шипел и матерился, но держался на ногах.

— Жить буду, — буркнул он.

— Быстро в «Шунт», — скомандовала Шило.

В убежище она перевязала его уже по-настоящему — плечо было рассечено, но кость цела. Я стояла у стены и смотрела, как Глеб, морщась, шутит:

— Скажи, белая, тебя кто-то проклял? С твоим появлением у нас плотность Стража на квадратный метр вырастает втрое.

— Это не я, это моя харизма, — отозвалась я, и он рассмеялся, а потом сморщился от боли.

Возвращаясь через пустынные улицы Гавани, я думала о словах Марты. Слияние или смерть. Исчезнувшие кандидаты. Протокол, которому нужен не просто Проводник, а идеальный объект. У самого моста, ведущего в Средний уровень, горел терминал Лимба. Экран вспыхнул, когда я подошла:

«Объект 734-К. Прогресс до уровня 4: 68 %. Открыт доступ: карта Цитадели (частично)».

Шестьдесят восемь. Я смотрела на цифры, и внутри закипала холодная злость. Не на Город. Не на Стражей. А на систему, которая ведёт меня как марионетку.

— Значит, карта Цитадели, — прошептала я. — Ладно. Я дойду. Но не для того, чтобы сдать.

В Переулке Граффити меня ждали тени. Они выстроились кругом, перешёптываясь и колышась. Одна — женская, с длинными ломкими линиями — вышла вперёд и приложила палец к губам:

— Тише. Тебя уже слышат в Ядре.

И растворилась. Я коснулась стены-портала. На амальгаме горело: «68 %». Провал, холод, пробуждение.

Я села на диване, хватая ртом воздух. За окном едва светало. Тело ломило, левый висок холодило. Я встала, подошла к журнальному столику и замерла.

Мой блокнот ночных к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.